

УДК 947.084.8(470.5)

В.В. Соловьева
УрФУ, Екатеринбург

**«ЧТО ПОЛОЖЕНО НАЧАЛЬНИКУ...»: К ПРОБЛЕМЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ НА СОВЕТСКОМ
ПРЕДПРИЯТИИ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ УРАЛА)**

Современными исследователями отмечается иерархичность и «словность» советского общества в целом и «рабочего социума» в частности [1, 2, 3, 4]. Представляется, что социальная структура предприятия может быть рассмотрена как своего рода «модель» советского общества.

Одним из главных критериев социальной дифференциации являются бытовые условия жизни. Принцип дифференциации лежал в основе всей государственной системы распределения материальных благ. Положение человека в «иерархии снабжения» зависело от профессиональной принадлежности, занимаемой должности, возраста, пола и других признаков, как общих, так и специфических для военного периода. Одна из наиболее четких линий дифференциации проходила между категориями «начальников» и рядовых работников.

Главной фигурой в управлении, от которой во многом зависело положение остальных работников, являлся директор предприятия. Он опирался на административно-управленческий персонал, а также на руководство партийной, профсоюзной, комсомольской организации.

Руководящие работники занимали особое место в системе снабжения и до войны. Однако с ее началом и со значительным ухудшением условий жизни населения, у этой категории возникла потребность закрепить свое положение. Например, были введены второе горячее питание и обеды для руководящих работников (постановление СНК СССР от 17 сентября 1942 г.) [3], «литерные» обеды и сухие пайки по нормам особого списка директорам, заместителям директоров, главным инженерам, начальникам производств и парторганизаторам (постановление СНК от 27 февраля 1943 г. и приказ Наркомторга от 16 марта 1943 г.) [4].

Особые столовые нескольких видов на 2-4 группы руководящего состава имелись на каждом крупном промышленном предприятии Урала. В «пирамиде снабжения» Кировского завода, описанной Я. Гольдштейном, «командный состав» включал в себя «верхушку завода» (директор и заместители), «литерАторов» (главные специалисты и начальники ведущих цехов) и «литерБэторов» (заместители начальников цехов, начальники технобюро и лабораторий) [5].

«Комсостав» в среднем составлял 1,5 % численности персонала предприятия, и на его питание выделялись лучшие фонды. По словам

Я. Гольдштейна, жил командный состав относительно хорошо: «американская помощь продовольствием, заботы Зальцмана и обкома партии доходили в виде продуктовых пайков, вещевых подарков, отрезов на костюмы, кожаных пальто и тужурок. Водка и папиросы – без ограничения» [5]. Стоимость трехразового питания в день в малом директорском зале Уральского танкового завода в 1942 г. составляла 15 руб. 69 коп. [6] Для сравнения, в том же году обед рабочего Первоуральского новотрубного завода стоил 25 копеек (питание было одноразовым) [7].

Многочисленные проверки, как правило, выявляли злоупотребления со стороны руководящих работников. Так, проверкой, проведенной на 75 предприятиях Свердловской области зимой 1943–1944 гг., было установлено, что директора заводов и другие руководящие работники, ответственные за дополнительные виды питания, произвольно расширяли круг лиц, которым оно выдавалось, незаконно распределяли между собой сухие пайки, присваивали фонды, рассчитанные на дополнительное питание рабочих и т. п. [8]

«Начальство» для большинства рабочих начиналось с фигуры мастера, который был им социально наиболее близок (чаще всего – недавний «выдвиженец»). Мастер играл особую роль в заводской иерархии, поскольку находился на «низовом» уровне распределения. Именно он решал, кто из рабочих получит бирки на промтовары, и составлял списки тех, кому полагалось дополнительное питание. Более значительной властью, чем мастер, но меньшей, чем начальник цеха, обладал начальник смены.

Обособление начальства вызывало оправданные и неоправданные слухи. Среди рядовых работников настроения против «начальства» в целом были достаточно сильными. На заседаниях парткомов «начальников» обвиняли в незнании положения рабочих, условий жизни в общежитиях, «собственническом» поведении и т. п. Следует отметить, что лексика «писем во власть» по этому поводу содержит прямые и косвенные аналогии с созданным официальной пропагандой образом взаимоотношений угнетаемых и угнетателей в дореволюционной России.

В то же время директорам предприятий их привилегированное положение массовое сознание «прощало». Об этом свидетельствует большинство сохранившихся воспоминаний о директорах крупных уральских заводов.

Анализ источников, содержащих мнения и суждения людей военного времени, выявляет в качестве одной из основных категорий массового сознания справедливость, понимаемую как равенство в снабжении. Работниками острее всего воспринималось различие между «начальством» и «рабочими». Традиционное восприятие раскола между «верхами и низами» в годы войны, с одной стороны, обострилось, с другой – вытеснялось из массового сознания мыслями о том, что главным на данный момент является разгром врага.

Библиографический список

1. Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик рабочих России в 1900–1941 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2006.
2. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
3. Шалак А.В. Социальные проблемы населения Восточной Сибири (1940–1950 гг.). Иркутск: Изд-во ИГЭА, 2000.
4. Davies S. «Us against Them»: Social Identity in Soviet Russia, 1934 – 1941 // Russian Review. – 1997. – Vol. 56. – No. 1. – pp. 341–350. [Электронный ресурс]. URL: <http://links.jstor.org/>
5. Гольдштейн Я.Е. Откровенно говоря. Воспоминания, размышления. Челябинск: Рифей, 1995.
6. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 483. Оп. 3. Д. 94. Л. 10.
7. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 254. Л. 245.
8. ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 39. Д. 238. Л. 101.

УДК 947.084.8:373 (470.54)

А.В. Чевардин
УГЛТУ, Екатеринбург

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО ОТДЕЛА НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В 1939 – 1945 гг.

Вторая мировая война, начавшаяся одновременно с новым учебным годом в Советском Союзе, оказала влияние на деятельность Свердловского областного отдела народного образования (облоно). В сентябре 1939 г. учителя в местных школах провели беседы с учениками «о том, как Красная Армия освободила народы Зап. Белоруссии и Зап. Украины от панского гнета». Уральская пионерия активно отреагировала на сентябрьские события. Во Дворце пионеров в г. Свердловске и в Доме пионеров г. Серова был организован сбор подарков и писем для «освобожденных от ига капитализма» детей [1].

К этому времени в Свердловской области насчитывалось 2095 школ: 1526 были городскими, 569 – сельскими. Из них лишь 180 – средними. Общее количество учащихся составляло 432 700 чел. С этим количеством учеников справлялось 12 199 учителей. Только 8809 чел. из них имели высшее образование [2].

Несмотря на внушительность приведенных цифр, имевшегося количества школ все равно не хватало. Как известно, в эти годы Советский Союз